

№ 1734

Театральные новинки „Петербургской Газеты“.

II.

„ЧАЙКА“

или

«ПОДЛОГЪ НА АЛЕКСАНДРИНСКОЙ СЦЕНѢ».

(Комедія въ 2-хъ выстрѣлахъ и 3-хъ недоразумѣннѣхъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-жа Левксена.	Писаревъ.
Актриса Аркадина, она-же Дожикова.	Аполлонскій.
Чайка-Коминсаржевская.	Панчинъ.
Г-жа Читау.	Венетристъ изъ публики.
Сазоновъ.	Г. Карновъ.
Варламовъ.	Суфлеръ.
Давыдовъ.	Кресло на колесахъ.

и нѣкот. другіе.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ I.

(Занавѣсъ еще не поднятъ. Г. Карновъ дѣлаетъ репетицію предстоящихъ оцѣнокъ).

Г-жа Левксена. — Голубчикъ, вы не такъ торжественно. Я заплачу... —

Г. Карновъ. — Да вѣдь только репетиція.

Г-жа Левксена. Все равно... очень ужъ трогательно. Вы нѣтъ, нѣтъ, чувствительныя слова такія говорите...

Г. Карновъ (читаетъ)... Въ теченіи двадцати лѣтъ вы служили украшеніемъ нашей сцены, вы играли въ произведеніяхъ великихъ нашихъ писателей: Грибоедова, Гоголя, Островскаго... Потѣхна.

Г-жа Левксена. И въ вашихъ, и въ вашихъ, голубчикъ...

Суфлеръ. А нѣтъ? Вы думаете, нѣтъ ли что-нибудь?

Г. Карновъ (сурово). Уйдите въ будку.

(Суфлеръ уходитъ. Г-жа Левксена поднимаетъ три пустыя подушки и два бутылочныхъ рѣзакъ. Она рыдаетъ. Г. Тартаковъ поетъ сподружнѣе баритоналомъ:

Но плачь, дитя, не плачь напрасно,

Твоя слеза на трупъ безгласный

Живой росой не упадетъ!..

Всѣ уходятъ. Изъ будки вновь появляются суфлеръ. Онъ бѣденъ и дикъ).

Суфлеръ. Ступайте въ будку!.. А?.. Я пойду, я пойду, но... но посмотрите!..

(Проваливается).

НЕДОРАЗУМѢНІЕ II.

(Декорація — открытая сцена въ саду, очень похожая на Измайловскій. Входитъ Давыдовъ и Панчинъ).

Панчинъ. — Кружку пива!..

Давыдовъ. — Что съ вами?

Панчинъ. — Раг-г-дон!.. Двѣ кружки пива!..

Давыдовъ. — Вы съума сошли... Выходите на сцену и требуйте пива!..

Панчинъ (сконфуженно). — Да, дѣйствительно... Но, знаете, такая декорація и потому суфлеръ...

Давыдовъ. — Что суфлеръ?

Панчинъ. — Странныя рѣчи говорить...

Давыдовъ. — Но пьесъ?

Панчинъ. — Кто-жъ его знаетъ?.. Владимиръ Николаевичъ, какъ вы думаете — что есть духъ?

Давыдовъ. — Какой духъ?

Панчинъ. — Всеній... Что есть духъ? Сущія матеріи и ничего болѣе...

Давыдовъ. — Гм...

Панчинъ. — Если вѣрить Ламброзо, то эннергизмъ и догматы въ области медіумизма могутъ дать такую дедуктивную субстанцію, что французская революція въ связи съ вопросомъ о безсмертіи души рабчика...

Давыдовъ (отодвигаясь). — Однако вы... того...

Панчинъ. — Нѣтъ, но суфлеру... честное слово, но суфлеру!.. Странная, знаете, пьеса, — слова все какія-то...

Давыдовъ. — Но я знаю, у меня есть словъ... Я въ креслѣ все вижу...

(Входитъ г. Аполлонскій, затѣмъ Коминсаржевская и прочіе. Послѣ всѣхъ Сазоновъ).

Дожикова. — Вы опоздали.

Сазоновъ. — Тутъ опоздали. Никакъ фи-

эпоноин не могъ выбрать. Гримировался такъ и этакъ, все то на одного, то на другого литератора смахиваешь. Скажутъ—изрочно. Взялъ да и загримировался Подхамзовичемъ... Скажите, кого я въ этой пьесѣ люблю и въ какомъ актѣ?

Дюжикова.—Разно. Въ первомъ меня, во второмъ и третьемъ Комиссаржевскую, въ четвертомъ опять меня...

Сазонов.—Прекрасно... Сегодня, знаете, что-то суфлера плохо слышно... Гдѣ же Комиссаржевская?

Аполлонскій (показывается на открытую сцену) Тамъ! Она сейчасъ мою пьесу читать будетъ.

Дюжикова.—Ахъ, это ту... въ декламаторскомъ духѣ...

(Занавѣсъ поднимается. Выходитъ г-жа Комиссаржевская. Она «мировая душа» и потому въ бѣломъ).

Комиссаржевская (декламируетъ).

Люди, львы, орлы и куропатки...

(Въ которое время молчать, напряженно прислушиваясь къ суфлеру, и потомъ продолжаютъ)

Олеандры, гилянды, наждады,

Видѣть локопъ изъ окопъ и мить!..

И Кассандра, обнявъ Александра,

Подъ чинарой сосеть немольконтъ!..

(Общее смущеніе. Занавѣсъ опускается).

ВЫСТРѢЛЬ I-й.

(Столовая въ усадьбѣ Аркадиной).

Дюжикова.—А мой смѣхъ, представьте, самъ себя чикъ-чикъ!..

Сазонов.—Самъ себя выдралъ, какъ унтеръ-офицерша Пошляпкина?!

Дюжикова.—Нѣтъ, застрялся... въ лобъ...

Сазонов.—И жинъ?

Дюжикова.—Да.

Сазонов.—Какой лобъ!.. Скажите, это онъ за Комиссаржевскую?.. Чудакъ, была вкота! Если изъ-за каждой пьесы стрѣляться—пороху не хватитъ... Но вообще у насъ странная сегодня вѣща. Я литераторъ, но вѣду себя санинъ нонитуриннымъ образомъ, имъ съ симонъ ругается какъ саладошница, Комиссар-

жевская воображала себя почему-то Чайкой Варламовъ рассказываетъ анекдоты изъ временъ пуническихъ войнъ, Читау нѣхаетъ табакъ, а Пачникъ несетъ какую-то околесницу...

Дюжикова.—А что это вы все въ книжечку записываете?

Сазонов.—Такъ... маленькій экспромптъ для Левитовой. Скажу за ужиномъ.

(Уходитъ. Является Аполлонскій. У него забинтована голова).

Аполлонскій.—Сдѣлайте мнѣ перевязку.

Дюжикова (вздыхаетъ). Извольте... Странныя теперь пьесы пошли. У Зудермана я все шарфы завязывала, у Чехова бинты кладу... Что мнѣ дальше дѣлать?

Аполлонскій.—Ничего. Сейчасъ придетъ Варламовъ и вы уйдете...

Дюжикова.—Ахъ, отлично!..

(Входитъ Варламовъ. Одѣтъ почему-то полоторомъ).

Варламовъ.—Лошадей нѣтъ... А знаете, въ 1854 году до Рождества Христова.

Дюжикова.—Опять?.. Отстаньте!..

Варламовъ.—То-есть какъ это отстаньте? Вѣдь долженъ же я говорить, если нѣтъ суфлеръ подаетъ... Въ 1854 году до Рождества Христова, одинъ египетскій фараонъ...

(Всѣ уходятъ. Г. Варламовъ съ удивленіемъ смотритъ на опускающійся занавѣсъ. Изъ суфлерской будки несетъ сатанинскій хохотъ и ванахъ стрѣмъ).

ВЫСТРѢЛЬ II.

(Кабинетъ Аполлонскаго. Человѣкъ десять артистовъ, отъ нечего дѣлать, сыграли партію въ лото и ушли. Давыдовъ спитъ съ самаго начала. Аполлонскій играетъ «Стрѣлку» за сценой).

Аполлонскій (входитъ). Больше не могу... Все, что уиѣлъ, перенялъ. Для слѣдующаго раза вальсъ «Дунайскія волны» приготовилъ... Сейчасъ мнѣ надо еще разъ стрѣляться. Два раза въ одной пьесѣ... Глухо! И какъ это я не догадался послѣ перваго раза сказать, что я убитъ?..

(Въ балконную дверь входитъ г-жа Комиссаржевская).

Коммиссаржевская.—Я чайка... Помните: Олександры, гириды, надбанды... Видеть концы из окон и концы... (Вереть съ дивана простыню и закутывается).

Аполлонский (смуценно).—Послушайте... Это моя простыня...

Коммиссаржевская.—Да?.. А я и не замечала... Голубчикъ, помогите мнѣ уйти, а то я что-нибудь изъ Офелии отхвачу...

Аполлонский.—Уходите... Мнѣ тоже некогда,—я сейчасъ долженъ ступить.

Коммиссаржевская.—Такъ скоро? Вы только что ступились...

Аполлонский.—Вовсе не скоро. Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ два года прошло.

Коммиссаржевская.—Два года!.. Какая я, однако, старая чайка... До свиданія!

(Уходитъ. Аполлонскій идетъ въ дверь направо, а изъ двери на-гнѣво опять выходятъ всѣ остальные и начинаютъ играть въ лото. Г. Давидовъ спитъ).

Варламовъ.—Въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ первомъ году.

Гисарскъ.—До или послѣ Рождества Христова?

Варламовъ.—Ну, конечно—до... Въ тысяча восемьсотъ...

(Изъ дверей направо выстрѣлъ. Всѣ обѣчно вздыхаютъ. Занавѣсъ опускается).

НЕДОРАЗУМѢНІЕ III

(Въ буфетѣ).

Литераторъ изъ публички (убѣгаетъ).—Это... это чортъ знаетъ что такое!.. Я... я не позволю. Прому составить протоколъ...

(Его окружаетъ толпа. Господинъ въ очкахъ проситъ объяснить, въ чемъ дѣло).

Литераторъ изъ публички.—Господа, вы видите вѣсу?

Голосъ.—Видѣли... плохая вѣса.

Литераторъ изъ публички.—Именно... Вы видите балетриста Тригорина. Видъ ногодѣй?

Голосъ.—Ногодѣй...

Литераторъ изъ публички (бьетъ себя въ грудь).—И это я!.. Да, я!.. У меня такая за-

писная книжка, я носилъ рубу, и кручу кончикъ бороды, но нѣтъ разведеннымъ блондиной возмущеннымъ бровисты!.. Но я не увозилъ часекъ въ Москву, я не былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ актрисами, и не жуть въ нѣтъ усадьбахъ!.. Я протестую, протоколъ!.. Прому составить протоколъ. Это нѣтъ!.. Гдѣ Карповъ?

Одинъ изъ оффиціантовъ.—Онъ чашечку съ...

Литераторъ изъ публички.—Кого?.. Чего?

Одинъ изъ оффиціантовъ.—Нѣтъ-съ, г-ну Ловкѣву.

Литераторъ изъ публички (со снисзаніемъ).—Я.., я, который въ жизнь свою не выдалъ ни одной чайки!.. О, какая клевета! Какая клевета!..

(Уходитъ. На сцену ему являються два критика).

Первый критикъ.—Привѣтъ...

Второй критикъ.—Н-да... И странно, знаете, много говорить, что въ театръ проглатанная вошь...

Первый критикъ.—Да?.. Странно...

(Вбѣгаетъ г. Карновъ. Онъ блѣдный и изнуренный растеряннымъ видомъ).

Карновъ.—Какая дикая, нѣпривычная вещь! Вы видите «Чайку»?

Первый критикъ.—Видѣли...

Карновъ.—Нѣтъ, не видѣли!.. Это была и «Чайка», а... а чортъ знаетъ что! Фальсификація, подлогъ... И все это устроилъ суфлеръ...

Второй критикъ.—Суфлеръ?!

Карновъ.—Да, суфлеръ... Онъ требовалъ бенефиса, ему отказали и вотъ... носъ вслухъ топчетъ.

Первый критикъ.—А артисты что?

Карновъ (махнувъ рукой).—Артисты что? Артисты или не суфлеръ... О, яду нѣтъ, яду...

Бубетчикъ.—Возьмуть рубку или нѣтъ?..

Звонокъ къ «Счастливному дню».

К. Рыловъ.

< А. А. Соколов >

Т. е.
не импор
для
Гисарск
А. А. Соколов
К. Рыловъ